

Борис
МАРКОВСКИЙ

«Я НАПИШУ
ЕЩЕ ОДНУ СТРОКУ...»

избранное

Современная литература. Коллекция поэзии и прозы

Борис Марковский
**«Я напишу еще одну
строку...» Избранное**

«Алетейя»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 82(2Рос=Рус)6-4

Марковский Б. Н.

«Я напишу еще одну строку...» Избранное / Б. Н. Марковский —
«Алетейя», 2017 — (Современная литература. Коллекция поэзии и
прозы)

ISBN 978-5-9905768-2-7

В новую книгу Бориса Марковского вошли стихи, написанные в последние годы, проза, а также стихи и избранные переводы из четырех предыдущих книг, изданных в издательстве «Алетейя».

УДК 821.161.1-3
ББК 82(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-9905768-2-7

© Марковский Б. Н., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Борис Марковский	7
«В трех шагах от снегопада...»	8
I	13
Я напишу еще одну строку	13
ИЗ СБОРНИКА «В ТРЕХ ШАГАХ ОТ СНЕГОПАДА»	14
Случайные строфы	14
1. Зима всю ночь рисует на стекле...	14
2. Нам не хватает фауны и флоры...	14
3. Здесь повсюду глыбы льда...	14
4. Ветер. Снег. Светло и пусто...	15
5. Ветер. Ночь. Забор. Качели...	15
Поэты	15
1. Увы, никто не позовет...	15
2. Друзья, прошу, не исчезайте...	16
3. Иерархические бредни	16
4. Ветхозаветная картина	17
Стансы	17
I. Сентябрь сгорел наполовину...	17
II. Казалось, жизнь давно прошла...	17
III. Увы, не пастырь, не пастух...	17
IV. Я так скажу, лицом суров...	18
V. Еще не там, уже не здесь...	18
Три окна, четыре стены...	18
Похоже, осень за окном...	19
Дни бегут – не сберечь их!	19
Каллиграфическая осень...	20
Неразбериха на столе...	20
Еще не сказанное слово	20
Семья Марковских	21
I. Семья Марковских в полном сборе	21
II. Платье лимонное из крепдешина...	21
III. Осень, отстань!	22
IV. Старые фотографии	22
V. Брат мой, куда ты?	22
VI. Вот и двери состарились...	23
VII. На задворках Европы	23
VIII. Неподалеку – кладбище...	23
IX. И если память мне не изменяет...	24
X. Когда уходят те, кого мы любим	24
ИЗ СБОРНИКА «ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»	26
День прожит без труда...	26
В конце пути	26
1. Раздарил, растерял, не сберег...	26
2. Вдруг – тихий голос...	26
3. Вернитесь, – я кричал...	27
Разве ты – настоящий писатель?	27

Кафе «Мороженое»	27
Снова снег заслони́л тишину...	28
Мне больше не нужны слова...	28
Что за постыдная морока...	28
Не поможет ни райское пение...	29
«Не пишешь, не пишешь, не пишешь...»	29
Подарил колечко...	29
Снегопад, снегопад...	30
ИЗ СБОРНИКА «ВРЕМЕНА ГОДА»	31
Листая страницы...	31
Я у дороги выпрошу прощенье...	31
Учусь, беру уроки...	32
Эти давние запахи...	32
Вот, кажется, осилил ремесло...	33
Я поселю тебя в стихотворенье...	33
Давно так плодотворно не молчалось...	34
Прощай, расшатанный покой...	34
Две параллельные прямые...	34
У судьбы неразборчивый почерк...	35
Здравствуй, юность моя безоглядная!	35
Олененок, свирель, Алиё!	35
Строки стремительная ересь...	35
Опять один, как ветер в поле...	36
Подожди, слова придут потом...	36
Прохладный белый звонкий лист...	37
Оттолкнусь от поручней рукой...	37
Маяковский	38
Асфальт	39
Улицы	40
I. Я люблю бродить по старым улицам...	40
II. Был в Амстердаме...	40
Спасибо, что не пришла...	40
Жизнь проходит за разговорами...	41
Вот и некуда стало идти...	41
Нам остается только старость...	41
Времена года	42
Мой доверчивый палисад...	42
Я твоей тоски не понимаю...	43
Берег	43
Никаких украшений...	44
Слагать стихи – нелепая забава...	44
Ночь непробудна, бездонна, тиха...	45
Я доволен жизнью своею...	45
Лорелея	46
Откажи себе во всём...	46
ИЗ СБОРНИКА «DUM SPIRO SPERO»	47
Как громко мы, молчим, как тихо спорим...	47
Жизнь вывернута наизнанку...	47
Я должен многое успеть...	48

А время старится, течет, струится...	48
На ипподроме – флаги...	48
Как строят дом, как разбивают сад...	49
Я болен...	49
Пока дышу – надеюсь...	50
А осень безнадежно хороша!	50
Искусства разветвленный ствол...	51
ИЗ СБОРНИКА «ПОСТСКРИПТУМ»	52
Каждый день – одно и то же...	52
«Крапива» – красивое слово...	52
Мы завершаем жизни круг...	52
Мне имени не вспомнить твоего	53
Поэт	54
Две женщины за шахматной доской...	54
Я получил твое письмо...	55
Памяти О.М	55
В траве ржавеют изумруды...	55
Стихи с немецкого перевожу...	56
Это – белая мгла, это – черная дрожь снегопада...	56
Тихо бреду мимо старой ограды...	56
ИЗ СБОРНИКА «СТИХИ НИ О ЧЕМ»	58
Ночь в Амстердаме	58
Сервантес	58
Жизнь давно позади...	59
Снимали комнату в подвале...	59
Куда же ты?.	59
«Поэма о вечной печали»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Борис Марковский
«Я НАПИШУ ЕЩЕ ОДНУ СТРОКУ...»
избранное

© Б. Марковский, 2017

© Издательство «Каяла» (Киев), 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

«В трех шагах от снегопада...» Несколько заметок

Одну из своих стихотворных книг Борис Марковский назвал «В трех шагах от снегопада»...

Хлопья падают так густо —
в трех шагах не видно сада...

Легкая, подвижная, почти воздушная стена, однако надежно таящая нечто: никогда не знаешь, что за ней откроется, что из-за нее появится.

Чернобородый мужик, Вожатый?

«Какой-то сторожки стена»?

Христос с вооруженным отрядом?..

Знакомый, значимый, знаковый образ русской поэзии.

У Бориса Марковского: «В трех шагах от снегопада» – «в трех шагах от горизонта». Снегопад отделяет видимую, известную часть жизни от невидимой и неведомой.

«В трех шагах от поражения», «в трех шагах от беды», но вместе: «Снегопад приводит в чувство, // он – как высшая награда».

«Белая мгла, черная дрожь снегопада» – память о злой зиме с глазами сумасшедших старух. Но вместе в промельке снегопада – «юность, молодость, искусство» и – память о матери, о снежном колдовстве детства.

В увлекательных точно мысли и наблюдений заметках о поэзии Манделъштама («Черное солнце Манделъштама») Борис Марковский вспоминает слова Романа Якобсона о различии поэтического языка и языка «практического».

О поэзии Бориса Марковского трудно говорить «практическим» языком. На «практический» язык она непереводима, как всякая подлинная поэзия.

Тем более что стихи его эскизные, – не потому, что не завершены как целое, а потому, что – в своей цельности – стремятся передать ту текучесть, переменчивость, незавершенность мира (мира в себе и мира вокруг), каким он является нам в каждый данный момент нашего в нем обитания.

Снегопад не лепит, не ваяет образы мира. Он выявляет их, намечает, чтобы в следующую минуту что-то в них (и с ними – в нас) изменить.

«Строки стремительная ересь», «вихрь междометий, вихрь бессмысленных слов» не поддаются разговору о содержании и форме, об особенностях стихосложения и разработке темы.

Когда я читаю стихи Бориса Марковского, меня не оставляет чувство, что они, когда я читаю их, еще продолжают писаться.

Стихотворный цикл «Случайные строфы» – один из ключевых в поэзии Бориса Марковского.

Зима всю ночь рисует на стекле
фламандские тяжелые узоры...

Короткое, девять строк, стихотворение («случайная строфа») – зимний пейзаж, созданный кистью или (мое ощущение, видение) гравировальным резцом старых мастеров Северной Европы. Несколько штрихов – и перед нами (нет – в нас) является с детства носимая в душе и

памяти, ставшая архетипической, картина города «серебряных коньков»: крутые заснеженные крыши, окованные льдом каналы, лодки, вмерзшие в лед, остановившаяся мельница... И тут же (опять-таки архетипическое) – что-то из Грига – «дремучие норвежские пейзажи»...

Но стихотворение разрешается сопряжением «двух разных алфавитов». В уголке рисунка, гравированного Мастером Зимой, вдруг странно рождаются – «слова на арамейском языке», которые Мастер Зима гравировал, «уже не помня, видимо, иврита».

Две заключительные строки тотчас ломают строгую выстроенность старой гравюры, заряжают стихи тревогой, устремляют их (точнее, опять же устремляют – нас) куда-то в сторону от прежнего зрительного ряда, может быть, вообще от зримой определенности образов («узоры», «пейзажи», «готические крыши» – и: «слова»), наполняют строфу иными, невысказанными смыслами, тем, что именуют – «непостижимыми Твоими судьбами».

О поэзии Бориса Марковского сказано было однажды, что «это поэзия смирения с судьбой, миром и веком»:

День прожит без труда и без труда забыт...

Но о каком смирении речь, когда следующая строка: «Как будто в мерзлый гроб последний гвоздь забит»? Когда «в небе за окном колючая звезда // безмолвствует в ночи»?.. Когда стихотворение вершит обращенный к себе призыв забыть (никак не забывается!) всё то тревожащее, не дарующее покоя, чем полнится этот объявленный пустым, не стоящим запоминания день: навязчивый мотив, свет в ночи, колючую звезду?..

Образ звезды как вестника судьбы (и ока ее) постоянно возникает в поэзии Бориса Марковского.

Неслучайно, конечно.

Вот и к одной из своих книг поэт взял эпитафией строку Арсения Тарковского: «Каких-то звезд бессмысленный глагол...»

Образ у Бориса Марковского почти всегда повторяем, но при этом замечательно многозначен. Смысл его определяется контекстом стихотворения, но, найденный, названный, он выявляет, уточняет смысл целого. Впрочем, речь, наверно, не только о контексте стихотворения, но – о контексте жизни, в стихотворении воссозданной (вновь созданной).

Утренняя звезда пробуждения вдохновения. И – утренняя звезда (тоже – утренняя), зовущая куда-то человека, уже итожащего жизнь на финишной прямой.

Шальная звезда (голубой лед), сияющая в какой-то неизмеримой дали и выси. И – шальная звезда, та, что совсем рядом, в нем самом, в поэте, его alter ego, страстная, горячая, она шепчет ему, требует, просит: «Начни всё сначала», соблазняет славой, богатством, любовью.

«Роняет свет высокий // вечерняя звезда». И – «железная звезда с лицом буряты или монгола»... (Пророчество или предчувствие? – «Да, азиаты – мы, // С раскосыми и жадными очами».)

«Жизнь вывернута наизнанку». «Гримасничают зеркала». «С утра – метель, а к вечеру – пурга». «Окно замерзшее, трагический узор» (уже – не фламандский пейзаж). «Всю ночь звонят колокола». «Ветер с четырех сторон». «С ума сошла не только эта роща... я тоже медленно схожу с ума». «Стою себе, как обгоревший дом, // уже почти разрушенный ветрами... // Стою себе с обуглившимся ртом, угаданный бессмертными словами»...

А над тревожным, неустроенным миром (миром – вокруг, в себе) апокалиптический «Темный всадник сквозь звездное крошево // мчится вскачь от звезды до звезды»...

В стихотворении «Поэт» читаем: «и звезды строились в тюрьму».

Дано курсивом – цитата.

Строка принадлежит даровитому киевскому поэту, до срока (впрочем, кому ведомы сроки?) загубленному жизнью. Или – себя загубившему. (Как посмотреть.)

Цитата позволяет предположить, что стихотворение посвящено памяти ушедшего друга-поэта, что в образах его отзвучали реалии жизни и судьбы. Но посвящения нет, как нет в стихотворении никаких личностных черт, кроме этой цитаты. Цитата скрывает и вместе содержит и посвящение, и личность, сопрягает единичную судьбу поэта с той общей долей, поэтическую формулу которой запечатлел некогда узник Кюхельбекер: «Горька судьба поэтов всех племен; // Тяжеле всех судьба казнит Россию...»

Образ (облик) тюрьмы, сопутствующий судьбе поэта возникает и в восьмистишии – «А время старится, течет, струится...» Стихотворению предпослан эпиграф из Пастернака («А время шло, и старилось, и глохло...») – похоже, будто заявлена творческая переключка на весьма свойственном Пастернаку пути темы и вариаций. Но стихотворение неожиданно (характерное для нашего поэта соединение «двух алфавитов») поворачивает к очевидному отзвуку блоковской поэзии: «Тюрьма. Вокзал. Опять тюрьма. Больница»...

Сходные реминисценции в стихотворении «Не пишешь, не пишешь, не пишешь...» – о неизбежном одиночестве поэта (одинокий дом-тюрьма) и столь же неизбежной причастности его поэтической вселенной:

Всё та же, всё та же морока, вселенская хворь или хмарь —
кромешная музыка Блока, аптека, брусчатка, фонарь.

Цитата – очень значимый элемент поэзии Бориса Марковского. Речь не о словесных включениях. Не только о них. Цитируются образы, ритм, звучание стиха, настроение. Осип Мандельштам писал в «Разговоре о Данте»: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает». Поэзия – как природа: созданное поэзией принадлежит всем. Поэты щедро черпают из общего поэтического хозяйства, переосмысляют, преображают почерпнутое, принимают или отрицают его. Несмолкающая цикада не создает пространство, в воздухе которого звучит: она всякий раз звучит по-своему в воздухе того пространства, в который вцепилась. Стихотворение – всегда еще и разговор поэтов между собой.

Мандельштам писал также, что образованность – это богатство ассоциаций. В богатстве ассоциаций являет себя и образованность поэтического таланта.

Талант Бориса Марковского привлекает замечательной образованностью.

Среди собеседников Бориса Марковского – лучшие поэты классического девятнадцатого века и те, более нам близкие (для моего поколения – старшие современники), чье творчество стало вершиной недавнего двадцатого. Не называю имена: читатель найдет их в эпиграфах, угадает в откликах, отзвуках, в мотивах и мелодике стиха; более того, открывая книгу (и не только эту – любую книгу современного русского поэта), он уже держит в памяти их имена и строки, держит наготове, мерой совершенства, которой будет оценивать читаемое. (Борис Марковский о поэтическом труде: «в несбыточном плену у совершенства».)

Но тут же, рядом, – иной круг поэтических друзей: их имена, стихи не на слуху, не в памяти, они открываются у Бориса Марковского в переключках и отсылках, уточняются в прозаических заметках и примечаниях, Борис Марковский с настойчивым постоянством утверждает свою к этому кругу причастность.

Названный круг – застолье киевской поэтической богемы 1960–1970-х годов: такая возникла – не могла не возникнуть – параллельно и вопреки официальной (официозной) литературной среде, в творчестве и поведении естественно и «назло» противопоставляя себя ей. Как

правило, под тяжестью того, что Пушкин именовал силой вещей, и, уступая несоответствию своего духовного и душевного устройства обстоятельствам времени, места и образа действий, люди этого круга в поэзии не заживались, да и вообще не заживались.

Друзья, прошу, не исчезайте, не уходите насовсем, стихи
печальные читайте
или отрывки из поэм и говорите, говорите
ночь напролет, пока звезда...
Но только сердце мне не рвите, не уходите навсегда...

Борис Марковский воспринимает уход этого круга поэтов, как исчезновение значимого поэтического поколения, творчество которого, пусть мало замеченное или вовсе незамеченное, подчас не принимаемое всерьез, по-своему, прямо или опосредовано отразилось на дальнейшей нашей литературной работе. Литература, как известно, развивается не только (и не столько) в громко прозвучавших (тем более – громко озвучиваемых) своих созданиях.

Образ Поэзии у Бориса Марковского – Древо Жизни, посаженное Богом посреди рая: вкусивший от плода его обретает жизнь вечную. Это – не бессмертье славы, а бессмертье слова, нескончаемость дарованного человеку поэтического вдохновения, вдохнутого в человека поэтического дара.

Искусства разветвленный ствол, невидимых корней могучее
родство.
Я – крайний лист на самой крайней ветке, и кровь моя
принадлежит листу.
Со мной в родстве бесчисленные предки, и те, кто будет жить – со
мной в родстве.
И смерть моя – умрет одно лишь имя
мое – и жизнь принадлежат не мне, но тем, другим, – да будет свет
над ними! —
сгорающим в божественном огне.

В этом десятистрочии всё сказано замечательно глубоко и точно.

Точно определено и собственное место где-то на крайних ветвях могучего поэтического древа.

Дело – не в скромности автора, которая, конечно же, внушает уважение.

(Впрочем, всякая ныне устанавливаемая табель о рангах так же несовершенна, как бессмысленна привычная надежда на будущую «справедливость».)

Дело – в утверждении равноправия каждого листа в отношении к целому.

В утверждении своей причастности к общему (вне зависимости от того, как ощущаешь свое «географическое», «геометрическое» положение в этом общем мире).

Это очень существенно и много – произнести: и кровь моя принадлежит листу.

Сознавать и чувствовать, что не только ты вбираешь соки Древа Жизни, но и отдаешь ему себя. Что оно без тебя так же неполно и несовершенно, как ты без него.

(Здесь уже не до примечаний о похвальной скромности – иной ряд понятий.)

«Крайний лист на самой крайней ветке», но это не значимо, когда осознаешь или чувствуешь бесконечность Листвы в пространстве и во времени.

А что часто видишь, слышишь себя «незадачливых слов бормотателем», что еще чаще и вовсе страдаешь оттого, что «не пишешь, не пишешь, не пишешь», то не известно, есть ли

что иное в жизни Поэта, как не бормотать стихи и страдать, когда они (говоря пушкинским словом) не идут.

Владимир Порудоминский,

Кёльн, 2014 г.

I ПОЭЗИЯ

Я напишу еще одну строку

*Я напишу еще одну строку,
переверну еще одну страницу,
пересеку еще одну страну,
перечеркну еще одну границу*

*и женщину последнюю, одну
из тех, кого любил, навек покину,
вернусь домой и прокляну чужбину,
и наконец услышу тишину.*

ИЗ СБОРНИКА «В ТРЕХ ШАГАХ ОТ СНЕГОПАДА»

Случайные строфы

1. Зима всю ночь рисует на стекле...

Зима всю ночь рисует на стекле
фламандские тяжелые узоры,
дремучие норвежские пейзажи,
суровые готические крыши,
украшенные инеем и даже
порою пишет вязью в уголке,
объединив два разных алфавита,
слова на арамейском языке,
уже не помня, видимо, иврита.

2. Нам не хватает фауны и флоры...

Нам не хватает фауны и флоры
в фарфоровом от снега феврале,
их заменяют карты, разговоры,
тяжелые муаровые шторы,
на ум приходят (дело в рифме) шпоры
или поездки к морю в «Шевроле»...

3. Здесь повсюду глыбы льда...

Здесь повсюду глыбы льда...
Спите, звери Зодиака,
вам нельзя входить сюда.
Знаю, Тигр или Собака
мне не причинят вреда.

Жизнь, казалось, никогда
не закончится, однако
в небе дрогнула звезда
где-то там, в созвездье Рака,
и исчезла навсегда...

4. Ветер. Снег. Светло и пусто...

Ветер. Снег. Светло и пусто.
Никого. Один. Так надо.
Юность, молодость, искусство,
всё – лишь промельк снегопада.

Хлопья падают так густо —
в трех шагах не видно сада...
Помнишь, у Марсея Пруста?
Или – у маркиза Сада?¹

Снегопад приводит в чувство,
он – как высшая награда...
Вполнакала светит люстра
в трех шагах от снегопада.

5. Ветер. Ночь. Забор. Качели...

Ветер. Ночь. Забор. Качели.
Снег. Чугунная ограда.
Я стою почти у цели —
в трех шагах от снегопада.

Лампа светит еле-еле,
гаснет без предупрежденья...
Я стою почти у цели —
в трех шагах от пораженья.

На стене – фарфор из Гжели,
сувениры из Торонто...
Я стою почти у цели —
в трех шагах от горизонта.

ПОЭТЫ

1. Увы, никто не позовет...

Эмилю Голубу

¹ Абсолютно согласен с мнением критика Л., выступившего в защиту маркиза де Сада в том смысле, что ежели маркиз, то обязательно *де*, а ежели без *де*, то какой же он к чёрту маркиз.

Увы, никто не позовет,
как некогда сказал Мицкевич
у стен печальных Аккермана.

Ты прав, таинственный бездельник:
друзья разбросаны по свету,
их нет, они как сон пустой...

А это кто? Шагает прямо,
хотя с утра с портвейном спорит —
прямой потомок Мандельштама...

Стишок трагический чирикнул
и скрылся в розовом тумане
поэт, известный всей округе...

Из подворотни знак масонский
мне подает какой-то щёголь —
еврейский нос, язык как шпага,
на Мефистофеля похож.

За ним – кудрявый Илличевский
стихи волнистые читает...

2. Друзья, прошу, не исчезайте...

Друзья, прошу, не исчезайте,
не уходите насовсем,
стихи печальные читайте
или отрывки из поэм
и говорите, говорите
ночь напролет, пока звезда...
Но только сердце мне не рвите,
не уходите навсегда.

3. Иерархические бредни

Иерархические бредни.
Приморский город. Кавардак.
Магнолии... Поэт в передней
снимает клетчатый пиджак
и хриплым голосом читает
стихи о дружбе, о любви...
О как мне всех вас не хватает,
друзья далекие мои!..

4. Ветхозаветная картина

Игорю Павлову

Ветхозаветная картина.
Почти библейская луна...
Жизнь, смерть, поэзию до дна
пьет из летейского кувшина
библейский старец у окна.

Стансы

I. Сентябрь сгорел наполовину...

Сентябрь сгорел наполовину,
уже мерещится февраль...
Пока небесная эмаль...
Пишу письмо калмыку-финну,
рифмую слезы и слова.
Не вы ль? Увы, не вы... Нева
в гранитный берег бьет волной,
и Днепр широкий в дымке тает...
Листок летит над головой —
куда, зачем? – никто не знает.

II. Казалось, жизнь давно прошла...

Казалось, жизнь давно прошла.
Листва поблекла, облетела...
Три ивы, чахлая ветла,
но мне-то, мне какое дело
(как говорил один пиит)
до госпитальных этих плит,
до этих плакальщиц-берез,
до сумасшедших этих сосен...
Листву последнюю мороз
скосил, а я-то думал: осень.

III. Увы, не пастырь, не пастух...

Увы, не пастырь, не пастух...

Зачем, седобородый мальчик,
в кругу кладбищенских старух
сидишь, один?.. Айда в подвальчик!
там наливают... раз-два-три...
повсюду мраморные жилки,
горит окошечко внутри,
торчат железные опилки,
горчит вино, и карамель
во рту... Февраль?.. Или апрель?

IV. Я так скажу, лицом суров...

Я так скажу, лицом суров:
вам нужен флаг, мне нужен кров!
Я помню сумрачное лето —
смесь Боттичелли и Ватто
(спасибо, Господи, за то,
что подарил мне столько света!)
и мрачный деревенский дом,
где муравьи, как самураи,
ползли сквозь влажный бурелом
вдоль бревен дряхлого сарая.

V. Еще не там, уже не здесь...

Еще не там, уже не здесь,
еще нигде, уже повсюду,
как этот клен полураздет,
клянусь: я был, я есмь, я буду!
Мне кажется, я был всегда...
Опять железная звезда
с лицом буряты иль монгола
взойдет над жертвенной Землей,
чтоб пасть на города и сёла,
покрыть их царственной золой.

Три окна, четыре стены...

Три окна, четыре стены,
впрочем, горы всегда видны

сквозь узоры зеленых крон,
так как горы со всех сторон

окружают кирпичный дом,
где веранду сковало льдом,

где повсюду твои следы,
где живу в трех шагах от беды.

Похоже, осень за окном...

Похоже, осень за окном...
Поэт, один, в пространстве комнат
(его никто уже не помнит)
сидит за письменным столом,
глядит на меркнувший закат,
перебирает письма, даты,
бормочет: «Все мы виноваты...
никто, никто не виноват...»

Дни бегут – не сберечь их!

Феликсу Чечику

Дни бегут – не сберечь их!
Ерунда, пустяки...
Из Израиля Чечик
присылает стихи.

В них – высокая горечь,
торжество мастерства...
Не пойму одного лишь —
для чего в них слова.

Ночь приходит, как плаха.
Вот опять Новый год...
Фугалевич, Галаха,
Мама-Жанна и Кот...

Помнишь, ночью в «Пассаже»
пили горький ликер?
Как-то вспомнился даже
пионерский костер.

Ничего не успели,
жизнь прошла, как в кино...
Вот и всё, друг мой Феликс,
впрочем, мне все равно.

Каллиграфическая осень...

Каллиграфическая осень...
Похоже на какой-то праздник.
Как будто некий дирижер
взмахнул рукой, и закружились
деревьев белые манжеты...
Повсюду флаги и цветы.
Узорчатые тротуары,
и подворотни в дымке серой,
как на старинном фотоснимке...
Прощальные анжамбеманы...
Деревьев траур золотой.

Неразбериха на столе...

Неразбериха на столе...
А ведь когда-то петь умела
душа, – ты помнишь: *в феврале...*
мело, мело... во все пределы...
И зябко делалось плечам...
Увы, не рифмы составные,
а чьи-то челюсти вставные
теперь скрежещут по ночам...
Темно и страшно на земле.
В душе опять неразбериха.
И если повторять, то тихо:
«Мело весь месяц в феврале...»

Еще не сказанное слово

Еще не сказанное слово
слезами душу тяжелит.
Уже сорваться с губ готово,
уже перу принадлежит.

Уже витийствует, пророчит,
бормочет что-то про успех
и выжить хочет, выжить хочет,
чтоб плакать на виду у всех.

Семья Марковских

I. Семья Марковских в полном сборе

Семья Марковских в полном сборе
сидит за праздничным столом.
Всё в серебре и мельхиоре,
и ёлка блещет серебром.

Всё в серебре, – скажи на милость! —
на тонких ниточках шары,
как будто детство возвратилось
в квартиру девочки-сестры.

И вот, красивый и безгрешный,
под новогодний смех и шум
с какой-то радостью нездешней
встает задумчивый Наум.

Он говорит, ему внимают,
все аплодируют ему,
и всё плохое отступает
в недостижимую тьму.

II. Платье лимонное из крепдешина...

Матери

Платье лимонное из крепдешина...
Помнишь, бывало, и ты наряжалась?
В зеркале таяла и отражалась,
утром опять на работу спешила.

Всё перепуталось, перемешалось,
детство пропахло твоими руками.
Помнишь, как море сияло над нами,
всё в серебре, как оно поднималось?

Вспыхнет черешня на грешной ладони,
вновь заблужусь в твоём ласковом взгляде,
столько вместившем, умру на перроне —
не умирай, как тогда в Ленинграде.

Вечно живи в довоенной квартире!
Свет твоих глаз да пребудет со мною

в этом огромном безжалостном мире,
в памяти, не опаленной войною.

III. Осень, отстань!

Осень, отстань! Сатанинская щедрость листвы,
мне враждебны твои бесшабашные узкие ласки.
Не сносить головы! Я от лиц и от улиц отвык,
и от птиц, и от веток, и от ветра, что скомкал все краски.

Над коляской волхвы. Снизошла на тебя благодать.
Мать, что небом прикинулась. Небо, коляска, дорога...
Не поднять головы! Я не стану по птицам гадать,
отшатнусь от зрачков сумасшедшего этого Бога.

Нас листва оплела вперемежку с огнями реклам,
время корчит нам рожи, мы – тоже, отважные маски.
То ли я не живу, то ли время мне не по зубам,
то ли замерло всё в ожидании близкой развязки.

Эта осень меня, как по лестнице, сводит с ума.
Ах, отстань, отстрани, отодвинь свои тайные знаки.
Это – светлая осень!.. За осенью хлынет зима,
приготовьтесь к ее молчаливой и страшной атаке!

IV. Старые фотографии

Матери

Легка на помине, как солнечный луч на поляне,
как пляшущий полдень, как полдник в высокой траве,
как скрипка кузнечика, как из-за леса – цыгане,
как память о детстве, о снежном его колдовстве.

Осталось не много: осталось спокойное эхо.
Ни дома, ни сада, ни пепла...
Лишь память о том,
как долго звучат колокольчики детского смеха,
когда молчаливый отец возвращается в дом.

V. Брат мой, куда ты?

Брату

Брат мой, куда ты? Там плотный, как ватман, туман!
Там горизонт обезглавлен, там эхо безгласно...
Брат мой, куда ты? Опомнись! Пора по домам!
Эта дорога печальна, пуста и опасна.

Твои сильные плечи, школяр, непоседа, герой,
твое хрупкое сердце не выдержат этого бега...
Но тебе наплевать!.. Очарованный жуткой игрой,
ты уходишь... один... даже смерть для тебя не помеха.

VI. Вот и двери состарились...

Вот и двери состарились, и обносились портьеры
в этом доме старинном, где столько просыпалось лет,
где в прихожей колеблется свет, то пурпурово-серый,
то, как свет от звезды, то, как солнца замедленный свет;

в этом доме старинном, где дует из окон, где фразу
от простуженных кресел сквозняк вдруг унес в коридор,
чтобы там заблудиться в пространстве из пауз, и сразу
возвратиться на место, поскольку – таков уговор;

в этом доме мы встретимся вновь через пару столетий,
через несколько дней или лет, или даже минут,
чтоб уже никогда не забыть этот вихрь междометий,
вихрь бессмысленных слов, что уже никогда не умрут.

VII. На задворках Европы

Отцу

На задворках Европы, в крестьянской глуши,
на высоком холме – за чужие гроши —
ты оставлен лежать навсегда в феврале
в неподатливой, жесткой и мерзлой земле.
Над тобою, как прежде, плывут облака.
Сон глубок, и могила твоя глубока.

1.02.1995

VIII. Неподалеку – кладбище...

Дочери

Неподалеку – кладбище. На холм

взбираюсь часто к сумрачной могиле,
где спит отец; на ней три кипариса
посажены заботливой рукой...
Так и живем в печальном захолустье:
я целый день читаю детективы,
перевожу на русский Гёльдерлина
и у тебя учусь невнятным фразам:
*Entschuldigung, ich habe eine Frage...*²
А ты уже щебечешь по-немецки,
приносишь в дневнике одни «пятерки»
и забываешь русский понемногу...
Лишь я твержу на память, как безумный,
обрывки строк, где слово *смерть* мелькает
так часто, что мне кажется порой:
я мертв давно, и ты мне только снишься.

IX. И если память мне не изменяет...

И если память мне не изменяет,
я счастлив был лишь в детстве. Это значит:
жизнь близится к концу.
С ума сошла не только эта роща
со вздыбленными волосами,
охапки листьев прячущая в снег, —
я тоже медленно схожу с ума,
хотя и выгляжу вполне счастливым...
Как прежде подхожу к календарю
и день за днем беспечно отрываю.

X. Когда уходят те, кого мы любим

Когда уходят те, кого мы любим,
в последний путь, откуда нет возврата,
в последний путь к последнему пределу,
как черный бархат, раздвигая тьму, —
их сразу потускневшие портреты,
как сквозь туман, прекрасными глазами
глядят на нас, но нас уже не видят,
как будто мы для них не существуем...
Еще звучат бессмысленные речи,
еще слышны надгробные молитвы,
еще мы помним, как звучал их голос,
а их уж нет поблизости...
Под плеск

² Прошу прощения, у меня вопрос. (нем.)

печальный вёсел, быстрая ладья
их вдаль относит...

ИЗ СБОРНИКА «ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»

День прожит без труда...

День прожит без труда и без труда забыт,
как будто в мерзлый гроб последний гвоздь забит,
как будто осень, выходя из просек,
у голых веток подаянья просит.
Как мертвый стих, написанный вчерне,
он требует любви, которой нет во мне.
Лишь на столе свеча всю ночь горит.
День прожит без труда и без труда забыт.
Лишь в небе за окном колючая звезда
безмолвствует в ночи. День прожит без труда
и без труда забыт... Забудь и ты, дружок,
навязчивый мотив, пастушеский рожок,
далекий тихий свет, колеблемый в ночи,
колючую звезду и тусклый свет свечи.

В конце пути

1. Раздарил, растерял, не сберег...

Раздарил, растерял, не сберег:
Пастернак, Цветаева, Блок.

И Камюэнса пасмурный лик —
сколько было вас, избранных книг?

Как в ущелье разбойничье эхо,
затерялся и канул Вальехо.

Вот еще один свежий шрам —
это гордый ушел Мандельштам.

Изумрудные хокку Басё.
Больше нет ничего. Это – всё.

2. Вдруг – тихий голос...

Вдруг – тихий голос, шелест крыл
и слог божественной чеканки:

со мной всю ночь проговорил
владелец сломанной шарманки³.

3. Вернитесь, – я кричал...

Вернитесь, – я кричал, – куда вы?
Кричал, не сдерживая слез...
Предсмертный хрип Акутагавы,
вращение его «колёс»⁴.

Разве ты – настоящий писатель?

*...Как прежде б крикнуть: «А-музги!
О Амузги...» – в наплыв тумана.*

А. Цыбулевский

Разве ты – настоящий писатель?
Что молчишь, иль язык проглотил,
незадачливых слов бормотатель,
заклинатель змеиных чернил?

Все дудишь в деревянную дудку...
Брызги слов. Но не видно ни зги, —
разве можно доверить рассудку
этот крик сквозь туман: «А-музги!»

Кафе «Мороженое»

Уже во тьме не различаю лиц.
Причуды памяти... Воскресный вечер.
Всё, как в тумане – чашки на столе,
и толпы любознательных прохожих,
спешащие в кино и из кино.
Глаза друзей повернутые внутрь.
Мне некуда спешить. Неяркий свет
чуть освещает мертвое пространство,
где, прислонившись к телефонной будке,
стою, прислушиваясь к голосам,
и ничего не жду – ни от себя,

³ Александр Цыбулевский «Владелец шарманки».

⁴ Акутагава Рюноске «Зубчатые колеса».

ни от других...

Снова снег заслонил тишину...

Снова снег заслонил тишину,
и сугробы растут, как грибы.
Стоит кресло придвинуть к окну —
и уже не уйти от судьбы.

Он идет, как безумный кентавр,
по заснеженным мертвым холмам;
вот он входит в соседний квартал,
подступая к замерзшим домам.

И в его неподвижных зрачках
я не вижу уже ничего
кроме страха господнего... страх...
Только страх за себя самого.

Мне больше не нужны слова...

Мне больше не нужны слова,
они мне сердце рвут на части...

Договорились – в два.
Пришла в три с четвертью...

О счастье
уже давно не думаю, мне жизнь
наскучила, как фильм бездарный.

«Держись, – шепчу себе, – держись...
за тонкий листик календарный!»

Что за постыдная морока...

Что за постыдная морока —
торчать весь день в пыли гардин?
Отсюда путь один – в Марокко
или – в растлительный Берлин.

Гора невымытой посуды,
на дне бокала – кубик льда...

Не умереть бы от простуды
или – от боли и стыда.

Не поможет ни райское пение...

Не поможет ни райское пение,
ни курортное грязелечение,
ни тоскливое столоверчение,
всё уже не имеет значения —
вешуны, колдуны, хироманты,
раз в неделю – тибетские мантры,
Кашпировский, Мессия, Майтрейя...
Лишь в Евангелии от Матфея,
как подсказка – шестнадцатый стих:
«по плодам их узнаете их».

«Не пишешь, не пишешь, не пишешь...»

«Не пишешь, не пишешь, не пишешь...»
О чем же тебе написать?..
О том ли, что ветер над крышей
листву заставляет летать?

О том ли, как мне одиноко
в неприбранном доме-тюрьме?..
Ты помнишь, у раннего Блока,
а может быть, у Малларме?

Всё та же, всё та же морока,
вселенская хворь или хмарь —
кромешная музыка Блока,
аптека, брусчатка, фонарь...

Подарил колечко...

Подарил колечко —
больше ничего...
Спит под снегом речка
в ночь под Рождество.

В печке Угли тлеют,
за окошком снег...
Он один согреет,

он один – для всех.

Снегопад, снегопад...

Снегопад, снегопад...
Над прохожими, над домами,
будто кто-то, невидимый нами,
красит в белое крыши и сад.

Кто просыпал на нас конфетти?
Осторожнее, не спугните
этот снег, что сошел, как наитие
лишь затем, чтобы снова уйти.

Это – в розовом шарфе февраль
на своем суматошном концерте,
где звучит одинокий рояль,
говорит о любви и о смерти.

ИЗ СБОРНИКА «ВРЕМЕНА ГОДА»

*Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима.*

Б. Пастернак

Листая страницы...

Листая страницы
давным-давно прочитанных книг,
не вспоминал ли ты
о далеких и теплых морях?
О кораблекрушениях?..
Вспоминал?
Я тоже.
Желтые корешки
давным-давно прочитанных книг,
как последняя улыбка детства,
как прощальный привет,
как напутственное слово:
«Иди!»

Я у дороги выпрошу прощенье...

Я у дороги выпрошу прощенье,
прости, я не пошел, куда звала.
Все не давали вырваться дела,
не отпускали цепкие сомненья.

Но я уйду, оставлю все, как есть,
куда ведёшь, не ведая, но зная:
куда б ни привела – не нужно рая,
спасибо, что вела... Сквозь ночь,
сквозь лес,

сквозь крик совы в лесу моих сомнений,
сквозь повторенья, мимо, наугад...
Я у дороги попрошу прощенья!
Я ухожу, я не вернусь назад.

Учусь, беру уроки...

Учусь, беру уроки
у дятла, у сороки,
учусь у пня седого
и у ручья лесного.

Учусь у опушек, лужаек,
приглядываюсь к перелескам,
с каким-то иным интересом
себя в тишину погружаю.

Гоняюсь за сквозняками,
не дожидаясь сдачи.
Мир повернулся иначе:
дверь говорит стихами.

Или – плывут из окон
высокие звуки клавиш...
Мелодии маленький краешек —
будто губами потрогал.

Но если спросят: «О чём
вы пишете?» – что ответить?
О чем говорит ветер
вон там, у дороги, с кустом?

Эти давние запахи...

Эти давние запахи,
эти губы припухшие,
и упавшие запонки,
как у древних – оружие.

И метель, что за окнами
обрастает сугробами.
Приоткрылись и дрогнули
ваши губы: «Попробуем...»

Ну давайте попробуем,
всё, что было – забудется.
Голубыми сугробами
пусть уляжется улица.

Пусть навалится мамонтом

ночь немислимо нежная...
Все равно мы обмануты,
все равно без надежды мы.

И свеча догоревшая,
и вино недопитое...
Вы красивая, прежняя,
только больно, обидно вам.

Только слезы ненужные
по щекам вашим катятся,
две большие жемчужины —
или мне только кажется,

или снится мне всё это:
ваших губ очертания,
ваши дивные волосы,
ваше злое отчаянье.

Позабытые запахи,
дорогие, ненужные,
и упавшие запонки —
две большие жемчужины.

Вот, кажется, осилил ремесло...

Вот, кажется, осилил ремесло.
Никто не застрахован от ошибок.
Живу без отличительных нашивок,
в карманах пусто, на душе светло.

Вот, кажется, и молодость прошла...
Чего же им, проклятым, не хватает,
моим стихам, что словно свечи тают,
едва их убираю со стола?

Я поселю тебя в стихотворенье...

Я поселю тебя в стихотворенье,
здесь будет всё не так, как у людей.
Ты улыбнешься выдумке моей,
напомнишь мне о вечности, о тленье

и скажешь так, задумчиво тиха:
«Ну что ж, квартирный разрешен вопрос.

Да, я согласна жить в твоих стихах...
Вот только мы опять без папирос».

Давно так плодотворно не молчалось...

Давно так плодотворно не молчалось.
Уж, думал, не отважусь, а пришлось...
Как старый плащ, отброшенная злость,
да за полночь стихи, казалось, малость,
да крепкий чай, да запоздалый гость...
Ах, если бы и ты тогда осталась!

Прощай, расшатанный покой...

Прощай, расшатанный покой.
Пока, как окрик за трамваем,
пока, как всплеск волны скупой,
мимо копеечного рая,

мимо простуженной листвы —
как кисти рук скрестятся ветки,
сомкнутся каменные львы,
сойдутся лестничные клетки...

Калитки скомканная тень,
листвы споткнувшейся смущенье,
и я, как чье-то порученье,
вычеркиваю новый день.

Две параллельные прямые...

Две параллельные прямые,
из детства в будущее след.
Пятнадцать пролетело лет
с тех пор, как мы лыжню прямими.

Случайно купленный билет
не вы ль, случайно, обронили?
Две параллельные прямые.
Снежинок тоненький балет.

У судьбы неразборчивый почерк...

У судьбы неразборчивый почерк,
и попробуй поди разбери,
черт ли с ведьмой в камине хохочет,
то ли это проделки зари,

то ли это сентябрь за холмами
куролесит всю ночь напролет,
то ли просто пришли за стихами
и в оконный стучат переплет.

Здравствуй, юность моя безоглядная!

Здравствуй, юность моя безоглядная!
Снегу, снегу-то намело...
Жизнь свою достаю и разглядываю,
как последний пятак на метро.

Олененок, свирель, Алиё!

Олененок, свирель, Алиё!
Оглянусь – никого, только – имя...
Посмотрела глазами моими,
так уже не глядят на земле.
Та же черная, черная бровь,
та же дерзкая кровь, те же складки
возле рта, тот же взгляд – кровь за кровь! —
мы еще наиграемся в прятки.
Мы еще повоюем с тобой.
Ты забудешь свою осторожность,
станешь мне путеводной звездой,
а иначе – зачем я художник?
И одна по плохой мостовой
под янтарным дождем, как в тумане,
ты еще побредешь, ангел мой,
вдаль за вереском воспоминаний.

Строки стремительная ересь...

Строки стремительная ересь,

фонем пугающая вязь,
скажи, откуда ты взялась,
в какой тоске удостоверься
и с временем нарушив связь?

Скажи, откуда ты пришла,
руки язвительная сила?
Два берега соединила,
а оказалось: два крыла.

Два берега, две борозды,
два сердца, два стихотворенья...
Девятым валом вдохновенья
взлетев до утренней звезды.

Опять один, как ветер в поле...

Опять один, как ветер в поле...
Как в продуктовый магазин,
вдруг забреду к Марине Доле,
когда накатывает сплин.

В дому царит неразбериха,
и две собаки – на софе,
всё это отразилось лихо
в ее неряшливой строфе.

Гитары жертвенные звуки
и будто бы исподтишка,
в двух миллиметрах от разлуки
бежит по клавишам рука...

И что ей чей-то профиль важный,
пожатие чужой руки.
Неразбериха. Сор бумажный.
Черновики... черновики.

Подожди, слова придут потом...

Подожди, слова придут потом.
Нежность – удивительное слово.
Слишком поздно пересохшим ртом
«Я люблю тебя», – шепчу я снова.

Слишком поздно встретила ты мне.

Вот стою и вижу, как в тумане:
то ли свет горит в твоём окне,
то ли это – свет воспоминаний.

Прохладный белый звонкий лист...

Прохладный белый звонкий лист
Бумаги,
В нём только что переплелись
Ручьи, овраги,

И чьи-то руки, и стихи,
И чьи-то встречи,
Как ласточки из-под стрехи —
Из русской речи.

И этот город за окном,
И сон окраин,
Где каждый камень мне знаком,
Где каждый камень,

Где каждый придорожный куст,
Предвидя старость,
Готов произнести строку,
Чтоб та осталась.

Оттолкнусь от поручней рукой...

Оттолкнусь от поручней рукой,
пропущу грохочущий состав
и замру у старого моста,
выпрямившегося над рекой.

Жизнь – испепеляющий костер.
Но сгорая, падая, любя,
я как в храм, как в дымчатый костел
и как в музыку вступал в тебя.

...Где над головами прихожан
в сокрушительной, как вихрь, тоске
изъясняется с толпой орган
на неведомом ей языке.

Маяковский *Отрывок*

Смотрю на портрет: высок, скуласт,
громадная рана рта...
Поэт? Художник? Скорее – гимнаст,
прыгающий с моста.

Жду. Уверен: заговорит,
сбросит с себя медь,
он, одолевший столько рифм,
а тут – какая-то смерть.

И вот, отодвинув ногою стул,
перечеркнув коридор,
помедлив немного, он такое загнул,
слушаю до сих пор:

– Здорово, братец! Никак поэт?
Куришь? Вот это да!
Тепло-то как, а в моей дыре
адские холода.

Чего молчишь? Или вовсе нем?
Любовью ль серьезно болен?
Меня не бойся – людей не ем,
поэтов тем более.

Я тоже любил
и тоже сидел без гроша,
любил до дрожи,
до жуткой истерики губ.
К ее нервным шагам
приноравливал
свой торопливый шаг
и считал себя
в неоплатном
за это долгу.

К другим был строг,
в том числе и к себе,
но к ней...
Но к ней тянулся
неуклюжими
щупальцами строк,
не жалея ни горла,
ни глаз,

ни души,
ни локтей.

Я любил ее так,
как уже не способен любить этот век,
я любил ее, как Октябрь
и как все грядущие октябри...
Разве может выдержать это один человек?
Вот и расстались
в апреле
мы с Лилей Брик...

Асфальт

Асфальт полосатый, как зебра, печальный и серый
асфальт лежит под моими ногами – в окурках,
плевках, поцелуях, заплаканный серый асфальт.

Куда-то торопятся люди, похожие на осьминогов,
на дятлов, тюленей и прочих известных
науке животных, но больше всего —
на людей, спешащих по важному делу.

По важному делу! Я тоже по спешному делу иду,
листая дома и кварталы, по важному,
спешному делу, по делу, по делу, по делу...

А небо похоже на купол огромного светлого цирка,
оно в облаках, как в сметане, оно, как большое окно...

(Я знаю, что небо – лишь небо, что ветер – лишь ветер,
не больше.)

Гуськом, словно гуси, трамваи ползут по наскучившим
рельсам, и каждый имеет свой номер,
свое назначенье, маршрут.

А я не имею маршрута, и цель исчезает в тумане,
густом и прохладном, как пиво, но я тороплюсь,
я ведь тоже иду по какому-то делу, по важному
спешному делу, по делу, по делу, по делу...

Улицы

I. Я люблю бродить по старым улицам...

Я люблю бродить по старым улицам,
люблю смотреть на дряхлые домики
с перекосившимися глазницами окон,
на неровные заборы, игрушечные калитки
и одинокие вывески всегда пустых магазинов.
Я люблю эту тихую часть города,
где нет тротуаров, где люди и дома
живут какой-то своей, таинственной жизнью
и где невольно вспоминается
все, когда-либо слышанное о чудесном и загадочном.

II. Был в Амстердаме...

Был в Амстердаме и не зашел в музей Ван Гога.
Зато посетил Красный квартал.
Накрапывал дождь.
Девушки отсыпались после ночи,
некоторые завтракали.
Я долго кружил по узким улочкам,
рассматривая их через стекло,
как мертвых бабочек в музее природоведения.

Спасибо, что не пришла...

Спасибо, что не пришла,
спасибо, что разлюбила,
спасибо, что письма сожгла —
спасибо, что не забыла.

Спасибо, что ты была,
за боль и за радость спасибо...
Но пряди отбросив со лба,
ты в комнатах свет погасила.

И в узких своих сапогах,
прижав к подбородку колени,
сидишь с папиросой в зубах
и ждешь, чтоб тебя пожалели.

Жизнь проходит за разговорами...

Жизнь проходит за разговорами.
Разбазариваем себя.
Снова осень идет по городу
легкой поступью сентября.

Мы не тех, кого надо встречаем,
нас укачивает судьба.
Напой меня, мама, чаем —
я смертельно устал от себя.

Это скоро выступят зонтики,
это сумерки сентября,
это мы сумасшедшие зодчие
разбазариваем себя.

Вот и некуда стало идти...

Вот и некуда стало идти,
не с кем слова промолвить.
Что ж ты стал посредине пути?
До середины дошёл ведь.

Что ж ты замер с тоскою в глазах,
с нежным грузом в груди – оттого ли,
что в душе твоей вечность и страх?
Сотни клятв – только гредишь о воле...

Нам остается только старость...

Нам остается только старость.
О молодости не скорбя,
всё чаще мы приходим в ярость,
увидев в зеркале себя.

Всё чаще, недовольным взглядом
отмерив предстоящий путь,
нащупываем склянку с ядом,
чтобы навеки отдохнуть.

И если жизнь – лишь сон, который
нам снится в пасмурную ночь,

не лучше ли отдернуть шторы
и тяжкий сон свой превозмочь?

Времена года

1

Подслушать исповедь сверчка,
исподтишка нарвать сирени
и написать стихотворенье
опять про белого бычка.

2

Капризы осени, пирог
с грибами, горечь пораженья...
И лист преподает урок
искусства самовыраженья.

3

Спешит состариться декабрь,
и ждет гостей на новоселье
лес, неподвижный, как дикарь,
подкрадывающийся к цели.

4

Дома продрогли до квартир,
до крыш, до крошечных заслонок,
но все слышней – едва с пеленок —
капли солнечный пунктир.

Мой доверчивый палисад...

Мой доверчивый палисад,
разговорчивый мой подоконник,

может впрямь всё, что я написал
не нуждается в посторонних?

Пусть пишу не так, не о том,
что с того, мы ведь не на параде...
Я-то знаю, каким трудом
достаются эти тетради.

Не тревожься, моя душа!
Нам ли думать с тобой о славе?
Только как это – не дышать?
Только кто же меня заставит?

Я твоей тоски не понимаю...

А. А.

Я твоей тоски не понимаю,
только слышу, слышу каждый день:
зацветет в последних числах мая
под окном душистая сирень.
И припомнится проклятый остров,
где погибло столько кораблей...
Души мореплавателей воском
исцелял отважный Одиссей,
чтобы слабых духом не смущали
песни похитительниц-сирен...

– Что молчишь? Что горбишься в печали?
Ничего не дам тебе взамен.

Берег

1

Улыбнись – жизнь ушла безвозвратно.
Чуть помедли над тихой рекой.
Посмотри: разноцветные пятна
загораются сами собой.

Эта ночь, как и ты – ниоткуда.
Этот млечный, чуть брезжащий свет
от звезды – разве это не чудо?
Через тысячи, тысячи лет.

2

И нежность в сердце утвердилась.
Откуда этот легкий шум?
Душа ль от тела отделилась?
Освободилась ли от дум?

Или нетрезвою походкой
уходит к западу луна?
Под перевернутою лодкой
песок, покой и тишина.

Никаких украшений...

Никаких украшений:
вензелей, позолот,
красота – неужели
только кровь,
только пот?

Неужели – так надо
и иначе – нельзя,
чтобы ткань снегопада
мне слепила глаза,

чтобы, падая оземь,
будто в этом их цель,
листья славили осень
целых восемь недель?

Чтобы время стояло,
как вода подо льдом...

Вдруг мелькнет, как бывало,
поманив рукавом.

Слагать стихи – нелепая забава...

Слагать стихи – нелепая забава,

когда душа заведомо черства,
но где предел и мера мастерства,
и кто нам дал таинственное право

плодить на свет *слова, слова, слова?*
Толпа не примет их, не крикнет: «браво!»,
их не коснется ветренная слава
и будет, к сожалению, права.
Мука и пыль – диктуют жернова.
Но, как Помпею выплакала лава,
так выгорит на пастбищах трава,
когда гортанно, дико и картаво,
ни грамма фальши – яд и тетива —
над миром выпрямится *Слово* величаво.

Ночь непробудна, бездонна, тиха...

Ночь непробудна, бездонна, тиха.
Так и живу – от стиха до стиха.

Так и дышу – невпопад и не в лад,
только и вижу – часов циферблат.

Стрелки бегут – не угонишься! – прочь.
Чуть зазевался и сразу же – ночь.

Чуть повернулся, и множество лет,
словно снежинки, просыпались вслед.

Ангелом белым – сквозь ночь – простыня...
Господи, ты не покинешь меня?

Я доволен жизнью своею...

Я доволен жизнью своею,
отберите все – не обеднею.

Листья с веток будут тихо падать,
заслоняя в небе птичьей стаей...
Ничего не жаль мне, даже память
я готов отдать, – зачем не знаю.

Молодость моя, откликнись, где ты?
Что мне делать с жизнью своею?
Разве что стихи писать в газеты —
больше ничего я не умею.

Снова осень ходит вдоль аллеи...
Надоели дактили и ямбы, —

скоро встретимся у бакалеи,
или нет – у театральной рампы.

У меня со старостью и смертью
старые неконченные счета, —
ведь не даром выбросил я перстень
азиатской вычурной работы.

...Потому что листья будут падать,
заслоняя в небе птичью стаю...
Ничего не жаль мне, даже память
я отдам тебе, – зачем не знаю.

Лорелея

Лодка плывет, берег зовет.
Что там вдали мне навстречу плывет?

Нет ничего – только светит луна,
только далекая песня слышна.

Лодка плывет, голос зовет.
Кто там вдали так тревожно поет?

Нет никого – только тонет весло,
только течением лодку снесло.

Откажи себе во всём...

Откажи себе во всём,
всё отдай другому:
выстрой для другого дом,
сам уйди из дома...

И пойдя куда-нибудь —
путь звезда укажет...
Бесконечный Млечный путь
сам под ноги ляжет.

ИЗ СБОРНИКА «DUM SPIRO SPERO»

*Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.*

О. Мандельштам

Как громко мы, молчим, как тихо спорим...

Как громко мы, молчим, как тихо спорим,
как медленно горим, как горько пьем,
как гибнем врозь, как верим каждой ссоре, —
безропотно стоим под проливным дождем.

Как странно мы живем, как тупо, немо,
как страшно все, что окружает нас...
В последний раз заря придвинет небо,
и Млечный путь взойдет в последний раз.

В последний раз живем! Прощай, планета!
Лети сквозь ночь, скрипи, земная ось.
Я выброшу стихи, возьму в ладони лето
и медленно уйду, земли мгновенный гость...

Жизнь вывернута наизнанку...

Жизнь вывернута наизнанку.
У времени крутой разгон.
Я выйду в поле спозаранку
и обопрусь о горизонт.

И чту мне чьи-то неудачи,
и чту мне боль, и чей-то смех,
когда повалит наудачу
непоправимо чистый снег?

Когда метель, срывая петли,
мешая сроки, вне времен,
вдруг белые закружит кегли
лиц, памятников, дат, имен?

Я должен многое успеть...

Я должен многое успеть.
О, если бы я знал заранее:
моя ребяческая спесь,
да томик Тютчева в кармане.

Я должен заживо сгореть,
чтобы из пепла возродиться,
я должен трижды умереть
и трижды в слове возвратиться.

Мне только двадцать восемь лет,
возьму и всё начну сначала...
В каком-нибудь глухом селе
у невозможного причала

в шалаш забраться к рыбаку
и ждать, пока не клюнет окунь...
Пока не подытожит осень
и жизнь, и каждую строку.

А время старится, течет, струится...

А время шло, и старилось, и глохло...

Б. Пастернак

А время старится, течет, струится,
и зыбким кажется, и тает на губах.
Еще строку, ведь я верну сторицей,
еще страницу – не земных ведь благ

прошу, в конце концов... О, эти лица!
Куда ты лезешь, глупый, чур тебя!
Тюрьма. Вокзал. Опять тюрьма. Больница.
И ласковые пальцы октября.

На ипподроме – флаги...

На ипподроме – флаги,
на ипподроме – вой...
Налей-ка мне из фляги,

пусти по круговой.

Куда вы мчитесь, кони,
копытами звеня?..
В прокуренном вагоне
везут, везут меня.

Сплетенье тел и линий,
последний поворот...
Как белый шепот, иней
промчится у ворот.

Я вижу, ясно вижу,
как будто подан знак:
не так я ненавижу,
не так живу, не так.

Нас не обманет финиш,
нам жить невмоготу...
Перила отодвинешь
и канешь в темноту.

Как строят дом, как разбивают сад...

Как строят дом, как разбивают сад,
немыслимым трудом, чудовищным упрямством,
в полночный час – одни – с прекрасным постоянством
всё в тот же стол – опять – потупив взгляд,

с сыновней ненавистью на губах,
с жестокой радостью – все вышли сроки! —
выводим мы губительные строки,
превозмогая свой недетский страх.

Я болен...

Я болен. Осенью ли, прозой
или стихами – все равно.
Заката предпоследний козырь
ложится на мое окно.

Иду ль куда – домой, из дома,
молчу ли, стоя у окна, —
не астма – смертная истома...
Окно. И за окном – стена.

В окне – фонарь, февраль, фрамуга...
Я болен, стало быть, здоров.
И рядом – ни жены, ни друга,
и ветер с четырех сторон.

...А снег коснется сонного окна,
и до окна уже не дотянуться.
И сада оголенная спина
тебя уж не заставит оглянуться.

Пока дышу – надеюсь...

Пока дышу – надеюсь.
Dum spiro spero. Но
смотри, как леденеет
прозрачное окно.

Уже по крестовине
прошелся раз, другой
обетованный иней,
благословенный мой.

Сентябрьские сроки.
Деревья в три ряда...
Роняет свет высокий
вечерняя звезда.

А осень безнадежно хороша!

А осень безнадежно хороша!
безукоризненна ее отделка.
Мелькнет в кустах оранжевая белка...
Что если вдруг – молчи, не лги, душа! —
вся наша жизнь такая же безделка,
как этот мертвый след карандаша?
Но на часах не двигается стрелка,
и так легко дышать... Но что ни шаг —
то тлен и смерть... Пустынная аллея.
Ни мертвый лист, ни беличьи следы
не трогают тебя, и ты стоишь, хмелея
от этой царственной, торжественной беды,
испытывая боль, почти блаженство...
В несбыточном плену у совершенства.

Искусства разветвленный ствол...

Искусства разветвленный ствол,
невидимых корней могучее родство.
Я – крайний лист на самой крайней ветке,
и кровь моя принадлежит листве.
Со мной в родстве бесчисленные предки,
и те, кто будет жить – со мной в родстве.
И смерть моя – умрет одно лишь имя
мое – и жизнь принадлежат не мне,
но тем, другим, – да будет свет над ними! —
сгорающим в божественном огне.

ИЗ СБОРНИКА «ПОСТСКРИПТУМ»

Смерть, как парус, шумит за кормой...

Г. Иванов

Каждый день – одно и то же...

Каждый день – одно и то же:
трудно жить в краю чужом,
даже в зной – мороз по коже,
будто в погребе сыром.

Дом уснул, и дверь закрыта.
Как же нам с тобой уснуть?..
Даже если жизнь разбита,
говори мне что-нибудь.

«Крапива» – красивое слово...

«Крапива» – красивое слово.
Кругом – лопухи, лебеда...
А в небе – из льда голубого —
шальная стояла звезда.

Стояла над домом и садом,
и в лунном ее забытьи
все то, что казалось нам адом
(свети, дорогая, свети!) —

невнятные шорохи, звуки
бессмысленной жизни земной
в преддверии долгой разлуки
наполнились вдруг тишиной.

Мы завершаем жизни круг...

Мы завершаем жизни круг,
глядим по сторонам тоскливо
и говорим себе: «А вдруг?»,
и в небо смотрим боязливо.
Никто не хочет нам помочь:

мы все умрем через мгновенье...
Я б не роптал на провиденье —
когда б не тьма, когда б не ночь,
когда б не страх исчезновенья.

Мне имени не вспомнить твоего

I

Мне имени не вспомнить твоего,
я выдумал тебя, ты мне приснилась...
Должно быть, так в кошмарном, диком сне
рождается какой-то светлый образ
и мучит нас...

Я выдумал тебя.

Ты мне приснилась. Даже – голос твой.
Теперь я часто думаю: в тот вечер
не ты, но некий ангел в синих джинсах
с растрепанными ветром волосами
явился мне. Не вспомнить, не узнать...
Так сладко было трубку поднимать
и пить твой голос...

Может быть еще
мы встретимся. Не знаю. Всё бывает.

II

Мне имени не вспомнить твоего,
я выдумал тебя, ты мне приснилась...
Но если ты – лишь сон, то сделай милость,
приснись еще раз – только и всего.
Мне от тебя не нужно ничего.
Достаточно того, что волшебство
в моей душе навеки утвердилось,
достаточно того, что ты светила
в двух-трех шагах от сердца моего.

III

Мне этот сон еще не раз приснится...
Скажи мне, кто ты – ангел, серафим,

исчадь ада, грешница, блудница?
Мне все равно – за голосом твоим
и в ад пойду – не страшно заблудиться.

Окно открыто. – Кто там? – Никого!
Как будто сердце, вздрогнув, расколосось...

Мне имени не вспомнить твоего.
Я только голос помню. Только голос.

Поэт

В его бокале лето тлело,
и отражался Млечный путь, —
уже чужим казалось тело,
и тяжело подымалась грудь.

Уже закат безбрежно-красный
сквозь стекла виделся ему, —
в глазах горел огонь ужасный,
и звезды строились в тюрьму...

На то и созданы поэты,
чтобы навзрыд писать о том,
как долго дотлевало лето
в бокале пенисто-пустом.

Две женщины за шахматной доской...

Т. Т.

Две женщины за шахматной доской.
Одна из них берет ферзя с тоской
и ставит мат другой, а та, другая,
глядит на доску, ничего не понимая.

Две женщины. Старинная игра.
Я вижу в зеркале двойное отраженье.
Одна из них была мне, как сестра,
другая – как надежда на спасенье.

Две женщины. Обманутый король
уже предчувствует с обеими разлуку,
целует в лоб одну, забыв про боль,
и у другой – в дверях – целует руку.

Я получил твое письмо...

Л. Т.

Я получил твое письмо
и положил на хранение в книгу,
которую так любил Аполлинер, —
«Жюльетту» Маркиза де Сада...
Мы встретились в конце сентября.
Осень наклонилась над городом,
как одинокий пьяница над стаканом вина.
Так уже было однажды в детстве.
Помнишь? Деревянные заборы, костры...
Мы не заглядывали в будущее —
просто ели мороженое, пили горячий чай.

Памяти О.М

Желтый пар петербургской зимы...

И. Анненский

О, эта каменная желтая бравада!
Широких улиц темный разговор...
Из проруби времен, из третьей песни «Ада»
он выбрался — с трудом — на гибельный простор...
Над Петроградом медленные ночи,
и волосы Невы по каменным плечам
разбросаны...

В траве ржавеют изумруды...

В траве ржавеют изумруды,
и ласточки не выют гнезда.
Над чернью мельничной запруды
зажглась вечерняя звезда.
Мигают пристальные свечи,
и уж совсем по-человечьи
гримасничают зеркала...
Всю ночь звонят колокола.
Печаль, печаль — в любом аккорде...
Ах, если бы зима сугробы намела,

как у Феллини в «Амаркорде».

Стихи с немецкого перевожу...

Стихи с немецкого перевожу,
скорее, просто время провожу;
над каждой буквой долго ворожу.

Коль друга нет – готов любить врага!
В Германии теперь лежат снега.
С утра – метель, а к вечеру – пурга.

Окно замерзшее, трагический узор,
а все-таки притягивает взор...
Мальчишки с санками бегут на косогор.

Им весело...

Такие, брат, дела.
Так дерево, сгоревшее дотла,
теперь – всего лишь пепел, лишь зола,
и, право, в этом я не вижу зла.

Это – белая мгла, это – черная дрожь снегопада...

Это – белая мгла, это – черная дрожь снегопада,
это – злая зима, отчего же ты так весела?
Я тебя высекал, как огонь, говорила: «Не надо!»,
говорила: «Не трогай!»... Гортанью (опять эта мгла!..),

горсткой праха – губами клянусь: где бы ты ни очнулась,
где бы ни очутилась, о чем бы ни вспомнила вдруг,
я твой вечный должник, я твое одиночество улиц,
я такое встречал лишь в глазах сумасшедших старух.

Тихо бреду мимо старой ограды...

Тихо бреду мимо старой ограды,
боль так отрадno легка,
и, как награда, вдоль старого сада
тихо плывут облака.

Чуть покосилась резная калитка,
всюду покой, тишина...

И на губах замирает улыбка,
и колокольня видна.

Осень... Куда-то торопятся стаи,
следом и мне бы лететь —
только усталое сердце не знает:
жить? умереть?

Только усталому сердцу отрадно
тихо грустить в тишине.
Осень, скамейка, калитка, ограда
и облака в вышине...

Осень, калитка, чуть слышное пенье,
сердце в плену, как в бреду...
И, как молитва, как сон, как забвенье —
осень в забытом саду...

ИЗ СБОРНИКА «СТИХИ НИ О ЧЕМ»

«Каких-то звезд бессмысленный глагол...»

А. Тарковский

Ночь в Амстердаме

Мне шальная звезда нашептала,
или в книжке какой прочитал:
«Если можешь, начни все сначала,
даже если смертельно устал».

А потом, передвинувшись вправо,
прошептала еще: «Подожди —
ждут тебя и богатство и слава,
и любовь, и любовь – впереди!»

Прошептала и тут же пропала,
осветив на мгновенье канал...
Ночь, огни, в двух шагах от канала —
безнадежный и страшный вокзал.

Вдруг поймешь у ночного вокзала,
в незнакомый забравшись квартал:
жизнь прошла... Разве этого мало?
Но ведь я ничего не сказал...

Сервантес

Ну что, создатель «Галатеи»,
представь свой праздничный эскорт:
врачи, цирюльники, злодеи...
А там, по-видимому, черт?

С времен осады Фамагусты,
ты знал, что смерть всегда близка.
Какое, к дьяволу, искусство,
когда оторвана рука!

.....

Чтоб Дарданеллы запереть,
ты храбро дрался при Лепанто.

Не доставало провианта,
повсюду кровь, резня и смерть...

С стрелой в глазу пал Барбариго,
но рвется к цели Дон Хуан...
Вот из чего рождалась книга —
безвестный рыцарский роман.

Жизнь давно позади...

Жизнь давно позади, не пора ль наконец повзрослеть!..
От рожденья мертвы – кто на четверть, а кто и на треть —
все, с кем встретиться мне на земле до сих пор привелось...
Хорошо на пиру, да вино из мехов пролилось.

Хорошо на миру умирать, смерть, как праздник красна!
Потому что опять над Парижем – стальная весна,
потому что опять виноград закрывает окно,
потому что другого, увы, мне уже не дано.

Снимали комнату в подвале...

Снимали комнату в подвале,
на подоконник падал снег.
Снежинки в комнату влетали —
ты веселилась больше всех.

Тогда я понимал едва ли,
что значит ждать, но падал снег,
и где-то на большом рояле
играл упрямый человек.

Куда же ты?.

Куда же ты?.. Купаясь в светотени,
осенний свет ложится на холсты...
Я б не писал всей этой дребедени,
когда б не ты!

Я б никогда не говорил про осень,
которую зубрю четвертый год...
Соседский тополь утром листья сбросил,
а дуб все ждет.

...Мне по нутру бегущая позёмка,
скрежещущая удаль февраля...
В соседней комнате (негромко)
играет музыка: ля-ля!

В кафе напротив – разговоры,
ну не смешно ли: пьют ситро...
...Свет погашу, задерну шторы,
поеду на метро.

«Поэма о вечной печали»

5

Что под рукой?.. Опять Хименес, Лорка,
угрюмый Борхес и Дюма...
Дверь на балкон распахнута... Подкорка
совсем сошла с ума.

Уже с утра прогулки в дебрях парка,

⁵ Поэма Бо-Цзюи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.